

Наталья ДОРОШЕВА

КАК ЧЕЧЕНЦЫ СТАЛИ ТЕРРОРИСТАМИ

Интервью с главным редактором газеты "Грозненский рабочий" Мусой МУРАДОВЫМ

Командировка на Северный Кавказ для журналиста в наши дни наверняка является событием незаурядным. Однако, существуют журналисты и целые редакции, для которых война – привычное место работы. Газете "Грозненский рабочий" – 82 года. Как первую, так и вторую чеченскую кампанию она переживает вместе со своим народом, не приостанавливая своего выхода. Небольшой коллектив мужественных людей, потеряв в октябре при обстреле Грозного одного из своих сотрудников, сейчас перебрался в Ингушетию.

Как в условиях войны делается газета? Как журналисты получают информацию? Какой взгляд на происходящее у наших коллег, постоянно живущих и работающих в горячей точке? Гость редакции бюллетеня "Право знать" – главный редактор "Грозненского рабочего" Муса Мурадов.

– Муса, вначале расскажите, пожалуйста, как с технической точки зрения обеспечивается выпуск газеты в военных условиях?

– До конца сентября прошлого года редакция функционировала в самом центре Грозного. Как вы знаете, это уже было время, когда по периметру границы Чечни велись военные действия, но была надежда, что до Грозного это может не докатиться. Ходили разные слухи о том, будут или нет бомбить Грозный, и пока мы гадали, начали бомбить. Когда бомбили окраины, мы продолжали там работать. Но в конце сентября отключили свет, и работать стало невозможно.

В начале октября несколько сотрудников (а нас всего 9 человек: 4 журналиста и 5 человек обслуживающих) перебрались в Ингушетию, сняли в частном доме три комнаты, сумели вовремя забрать из Грозного пару компьютеров, которые у нас есть: на одном набирается, на другом верстается газета. Один сотрудник, который оставался в Грозном, в середине октября погиб при первом ракетном обстреле. Конечно, в Ингушетии условия были совершенно иные, хотя и в Грозном было, так скажем, не особенно комфортно. Но самое главное мы потеряли платежеспособного читателя: раньше 3–4 тысячи тиража продавалось, и вырученных денег было достаточно, чтобы покрыть расходы на зарплату, редакционные расходы и оплату типографских услуг. Теперь деньги приходится искать где-то на стороне: в Москве помогали представители чеченской диаспоры. И, слава Богу, к этому времени положительно решился вопрос о гранте Института "Открытое общество", предусматривающем финансовую поддержку в объеме того бюджета, который был у редакции в последние годы. Этот грант предполагает финансирование редакции до конца года, что позволит нам выпускать газету независимо от того, будем мы выручать деньги от ее издания или нет. Грант предусматривает как индивидуальную поддержку, так и оплату типографских расходов.

И мы не стремимся в этих условиях продавать газету. Половина населения, как вы знаете, переместилась в Ингушетию, многие проживают в палаточных лагерях, в составах, эшелонах. Поэтому процентов 60 тиража мы раздаем в Ингушетии среди беженцев, часть тиража отправляется в Чечню. В Ингушетии есть 2–3 крупных палаточных лагеря по 1,5–2 тысячи человек, и есть огромные железнодорожные составы, в которых также живут беженцы. Эти люди находятся в замкнутом круге, без

какой–либо информации извне: ни телевидения, ни радио у них нет. У них есть только возможность укрыться от природных осадков и попасть на организованную раздачу пищи. Выйти куда–то за пределы лагеря тоже нет возможности. Поэтому, когда мы привозим пачку газет очередного номера, наблюдается картина такая же, какая бывает, когда привозят хлеб. Газета известная, она выходит уже 82 года, и само название вызывает у людей симпатию: хоть какие–то напоминания о нормальной мирной жизни. Недавно даже в "Московских новостях" была фотография, где фотокорреспондентом "Рейтер" запечатлен момент раздачи нашей газеты. В Чечню мы могли бы отправлять больше тиража, но проблема в пересечении границы. Потому что есть опасность, что при обнаружении несанкционированного, скажем так, пресс–службой объединенной группировки войск издания у человека, перевозящего его, могут возникнуть проблемы. Поэтому перевозим по 10–20 газет, пряча их глубоко в сумки.

Сегодня "Грозненский рабочий" – это единственное средство массовой информации, не связанное с властью: имеется в виду как правительство Масхадова, так и федеральная власть. Это единственное издание, которое выпускается для чеченского читателя, на чеченском материале и на чеченской стороне.

– Другой аспект вопроса: как работает творческий коллектив в условиях войны? Как журналисты получают информацию?

– Творческих сотрудников у нас, – как я уже говорил, четыре: редактор, два обозревателя – женщины, одна из которых – исполнительный редактор, и один сотрудник постоянно находится в Чечне. Тот, кто в Чечне, три месяца с начала войны находился в Грозном, постоянно передавал нам информацию и приблизительно раз в месяц выбирался оттуда. Все событийные материалы из Чечни написаны им. Информация передается, естественно, не по телефону – таких возможностей коммуникации у нас нет. Учитывая еженедельный выход газеты, приходится передавать материалы с какой–то оказией, в основном, с потоками беженцев, которые движутся в обе стороны непрерывно. А женщины собирают материал в основном на границе между Чечней и Ингушетией, в лагерях беженцев, так как проникать на территорию Чечни им небезопасно. КПП на Чечено–Ингушской границе – это их своеобразное рабочее место. До дня верстки газеты одна сотрудница постоянно дежурит там, встречается с людьми, набирает материал, потом отписывается и уходит опять. Процентом 80 всех материалов делаются на местной фактуре. Практически нет номера, в котором бы не было обзорной статьи или репортажа из Чечни.

– Муса, какова Ваша личная оценка тех событий, которые происходят в Чечне?

– Я не берусь судить о том, какие задачи ставились в Москве. Но я могу со всей ответственностью заявить, что между тем, что происходит в Чечне, и тем, как это называют федеральные власти (антитеррористическая операция), – большая пропасть. Что произошло? В течение 2–3 месяцев со всех сторон в республику нагнали огромное количество войск. Вся территория Чечни обрабатывается артиллерией, бомбится, но ни одна заявленная цель практически не достигнута. В связи с этим у меня возникает вопрос: о каких боевых успехах, о каких решенных проблемах можно говорить, если не ликвидирован ни один террорист и ни одна террористическая группа? Я подчеркиваю – террористическая! 90 процентов людей, которые уже погибли на территории Чечни, – это граждане, которые не имеют ни малейшего отношения не то что к террористическим, но и вообще к вооруженным – даже Масхадовским – формированиям.

Поэтому, на мой взгляд, развернута война ради войны. И война развернута – я не побоюсь этого слова – вероломно. Нарушен договор о мире, подписанный в 1997 году Масхадовым и Ельциным. Там ясно сказано, что отныне никогда – какие бы проблемы

между Грозным и Москвой не возникали – ни одна из сторон не будет прибегать к силе! Но тут такой каток по стране покатали, а результат – в смысле эффективности борьбы с терроризмом – даже не нулевой, а обратный. Сейчас все мужское население республики поставили в такие условия, когда доведенные до отчаяния люди будут автоматически братья за оружие, потому что им не оставили никакой иной возможности. Даже если они хотят просто дистанцироваться от войны, бежать от нее, на границе их встречают люди с дубинками, загоняют назад. И если 11-летнего мальчишку рассматривают как потенциального террориста – о чем можно говорить?

– Что же тогда представляют собой так называемые коридоры безопасности для беженцев?

– Федеральная власть и военное командование постоянно объявляют о том, что делает все возможное, чтобы защитить мирное население Чечни, в частности, Грозного, который окружен и который сутки напролет обрабатывается артиллерией и самолетами. Говорят о том, что они не против, чтобы гражданское население выходило, более того, они предоставили возможность выхода, открыв два коридора: один на северной окраине Грозного – в станице "Первомайская", в конце Старопромысловского шоссе, а второй на юго-западе – это селение Алхан-юрт. Но от центра города до первого пункта километров двадцать, до второго – километров пятнадцать. И человек, который сидит в центре Грозного в подвале в течение месяца-двух, боясь высунуть голову, не имеет ни малейшего представления о ситуации, которая вокруг. Я об этом могу судить, потому что три года назад ровно в такой же ситуации был сам. И когда с утра до вечера по радио говорили о коридорах для мирных жителей, для нас это было равносильно информации о каких-то коридорах на Луне. Ни малейшего представления об этих коридорах, ни малейшей гарантии попасть в них у мирных людей в Грозном нет. Название "мирный коридор" и объявление о том, что они открыты, – это, скорее, информация для усыпления мирового общественного мнения. На свой страх и риск люди, конечно, выбирают. Но большинство людей, которые выбрались из Грозного в последние месяцы, шли не по этим коридорам, не через пункты, которые объявлялись, а выбирались своими обходными тропами. Потому что у людей есть, во-первых, страх не дойти до пункта, попав под обстрел или осколки, а во-вторых, страх встретиться на КПП с российскими военными. Не бояться военных могут только или глубокие старушки, или люди нечеченской национальности. Поэтому чеченские беженцы из Грозного обходными тропами идут на юго-запад, через леса, Урус-Мартан и т.д. В этой ситуации говорить о какой-то гарантии защищенности мирного населения нельзя.

Я разговаривал с Алексеем Симоновым, и он правильно сказал, что коридор прежде всего предусматривает договоренность двух сторон о том, что от пункта А до пункта Б территория не подвергается никаким обстрелам. Коридор не может быть с одной стеной.

В отличие от прошлой войны весь ужас ситуации, в которой находится мирное население сейчас, состоит в том, что они не могут самостоятельно решать свою судьбу. Они оказались в положении людей, которые постоянно находятся вне закона. На территории России чеченцы – это лица без какого-либо правового статуса, потому что на них не распространяется ни один российский закон. В любой точке за пределами Чечни только на основании того, что в паспорте стоит национальность: чеченец, человека кидают в изолятор и не оставляют ему права находиться на той территории, куда он бежал от войны. На свой страх и риск люди прячутся, устраиваются у друзей и родственников, но это до первого милиционера. Некоторые откупаются, но у большинства нет такой возможности. В прошлую войну было не так: люди, которые хотели бежать от войны, имели эту возможность, более того, власти других регионов им как-то организованно помогали, во всяком случае относились сочувственно. Сейчас

каждому чеченцу, который выезжает из Чечни, дается справка, из какого пункта в какой он следует. А просто так билеты на самолет или поезд людям чеченской национальности в той же Ингушетии не продают. Продаются только по предъявлении справки из милиции. Эту справку также надо предъявлять при прохождении, например, контроля перед посадкой в самолет. Эта процедура очень напоминает перемещение заключенного, выпущенного из тюрьмы. Если при наличии справки ты следуешь поездом в другой город, ты не можешь выйти даже на перрон во время остановки – милиция загонит тебя обратно в вагон. Если ты спросишь, на основании чего, то тебе в лицо скажут: на основании того, что ты – чеченец. Чеченская национальность стала причиной для применения санкций.

– Выходит, что населению легче взять в руки оружие, чем уйти от этой войны?

– Получается так. Представьте себе село, где населения – 10–15 тысяч человек. Начинается обстрел села, никто не может предсказать, как долго это будет длиться: самолеты то ударят, то пролетят мимо. Мирные люди привязаны к своему жилью, к своему имуществу. 90 процентов жителей этого села выживали только за счет того, что имели свое маленькое подворье: что-то выращивали, имели пару овец, корову, – это и был единственный источник их существования. Конечно, человеческая жизнь дороже, и многие бежали. Но все равно люди оглядываются на свое хозяйство и надеются, что война проскочит мимо них. Некоторые верят в то, что придут войска, увидят, что ты простой деревенский мужик, который всю жизнь выращивал скот, и не тронут. Это привязывает и удерживает людей. И, как правило, жертвами становятся именно они. Потому что, когда с воздуха стреляют самолеты или залпами бьют установки "град" или "ураган", они не разбирают, кто сидит в этом доме.

И я был свидетелем разговоров, и у меня самого возникали такие мысли, что, в принципе, шанс себя сохранить – это взяться за оружие. Когда у тебя в руках оружие, появляется хоть какая-то психологическая уверенность в том, что хотя бы первый встречный с тобой не сделает все, что угодно. И я уверен, что побудительным мотивом для очень многих из тех, кто сейчас, в этой ситуации встал под ружье, было именно это: чем сидеть и ждать, пока тебя убьют, легче взяться за оружие. Если тебя и так, и так убивают, то элементарный человеческий инстинкт – оказать сопротивление. Ничего другого людям не предложили.

– Тот же Алексей Кириллович Симонов сказал, что федеральные власти вынуждают чеченский народ становиться террористами...

– Это так. То, в чем сначала огульно обвиняли народ, в итоге и получается. Потому что, если у человека на глазах разрушили дом, а, не дай Бог, под обломками оказались родные и дети, то ему не останется ничего иного, как взяться за оружие и оказать сопротивление. Его уже не будет интересовать политический момент: какая сила перед ним стоит, и какие задачи она выполняет.

– Муса, как Вы думаете, какой из этого есть выход?

– То, что начали полномасштабные военные действия по всей территории Чечни, – не оправдано ничем. Бандитов, которые занимались террором, похищением людей, конечно, нужно было ликвидировать. Но даже мы – дилетанты – можем представить для этого тысячи других способов. История и практика показывают, что спецслужбы такой огромной страны имеют возможность проведения локальных операций. И те, чьи имена сегодня на слуху у российской общественности как имена бандитов, насиловали и местное чеченское население. И местное население только приветствовало бы какие-то операции в отношении этих людей и вздохнуло бы, если б их выловили и посадили. Но вместо этого спровоцировали такую ситуацию, когда из бандитов сделали

героев, потому что они сопротивляются такой огромной военной машине, которая все подминает под себя и жертвами которой становятся люди, не имеющие к этому никакого отношения.

Был создан какой-то дикий прецедент, когда в одночасье перед законно избранным президентом (слабый или сильный он – это другой вопрос) поставили условия: или ты выловишь в течение какого-то времени всех бандитов и отдашь их нам, или мы начинаем бомбить. Но при всем желании он этого сделать не мог! Это все равно, что если бы жители Кемерово совершили теракт, а Москва сказала бы Тулееву: ты завтра вылови бандитов кемеровской преступной группировки и доставь сюда, а нет – мы начнем бомбить. Что это за постановка вопроса? Даже если Масхадов очень хотел бы выловить их – а я знаю, что он очень этого хотел – как мог он справиться с ними, если сейчас вся российская военная элита со всей мощью: с армией, с самолетами, – в течение трех месяцев не может поймать ни одного бандита! Как же Масхадов со своими милиционерами и несколькими гвардейцами мог это сделать? Перед Масхадовым были поставлены нереальные задачи и, по сути дела, произошло силовое свержение законной власти в Чечне. Я не понимаю, почему лидеры северокавказских республик так спокойно к этому относятся. И если все будет продолжаться в таком духе, то, естественно, ни для России, ни для жителей Чечни ни к чему хорошему эта ситуация не приведет.

– Могут ли международные организации способствовать разрешению этого конфликта?

– Я думаю, что не только могут, но и должны. И вмешались уже – во всяком случае на уровне психологического давления на Россию. Запад довольно адекватно отреагировал на ситуацию в Чечне. Благодаря этому произошла некоторая приостановка военных действий в Грозном: как вы помните, было время, когда российскими генералами тиражировались мысли, что нет смысла рассматривать Грозный как населенный пункт, как столицу будущей республики, и постепенно подводилась база под то, чтобы действовать там методом выжженной земли. Забросать город вакуумными бомбами и таким образом решить проблему. Но как раз, с моей точки зрения, давление Запада остудило горячие головы в Москве по поводу применения таких действий в Грозном.

Сейчас никто не думает о том, что даже если сейчас остановить войну, десятки и тысячи людей, которые остались в живых, но тем не менее месяц-два провели под бомбами, – это страшно больные люди. Они больные до предела! Даже если остановится война и начнется нормальная жизнь, каждый второй, кто пережил эту войну, будут, сами не зная от чего, падать на ходу и умирать: у них не будут выдерживать ни нервы, ни сердце. Это раз. Во-вторых, десятки тысяч людей лишились крыши над головой. То есть в отношении мирных людей уже совершенно страшное преступление. Уверенно можно сказать, что 90 процентов всех разрушений – это разрушения домов мирных людей. Война сейчас напоминает ту же самую ситуацию в Буденновске, когда Басаев захватил две с половиной тысячи человек. Тогда эту проблему можно было решить так же легко: пару бомб на больницу бы кинули, и всем, в том числе и Басаеву, пришел бы конец. Сейчас российские военные решают проблему точно таким методом, только в отношении десятков тысяч человек.

– Чем отличается работа журналистов на этой чеченской войне от работы на предыдущей?

– В первую чеченскую кампанию журналисты имели, можно сказать, прекрасные условия для работы. В том смысле, что они не были ограничены в получении информации как с одной стороны, так и с другой: было возможно свободное передвижение по республике, поиск и сбор информации. Никаких специальных мер по

отслеживанию и регулированию работы журналистов не предпринималось. Наша редакция работала в Грозном, а печаталась газета в Минеральных Водах, и мы свободно переезжали через все посты, и перевозили материалы, которые могли очень даже не понравиться военным и официальным властям. Тем не менее, никогда и никто не препятствовал нам в работе. Сейчас совершенно другая ситуация. Во-первых, журналист вообще не имеет права самостоятельно пересечь границу Чечни и Ингушетии. Только при наличии аккредитации объединенной группировки войск в Моздоке, и то не отходя от военных, рядом с ними и туда, куда они тебя повезут. Самостоятельно журналисты могут проникнуть на территорию только на свой страх и риск: пряча журналистские документы, аппаратуру, телефон. Но если журналист на территории Чечни попадет в поле зрения войск, он будет быстро оттуда депортирован, а может, будут и другие неприятности. Поэтому вся информация по российским каналам, может быть, за исключением лишь НТВ, подается только из уст либо пресс-службы военного командования, либо из уст самих военных. Журналист не имеет возможности без их ведома вести репортаж из Чечни.